

**Александр Иванович Полежаев
(1804 - 1838)**

Валтасар

Подражание 5 главе пророка Даниила

Царь на троне сидит;
Перед ним и за ним
С раболепством немым
Ряд сатрапов стоит.
Драгоценный чертог
И блестит и горит,
И земной полубог
Пир устроить велит.
Золотая волна
Дорогого вина
Нежит чувства и кровь;
Звуки лир, юных дев
Сладострастный напев
Возжигают любовь.
Упоён, восхищён,
Царь на троне сидит -
И торжественный трон
И блестит и горит...
Вдруг неведомый страх
У царя на челе,
И унынье в очах,
Обращённых к стене.
Умолкает звук лир
И весёлых речей,
И расстроенный пир
Видит (ужас очей!):
Огневая рука
Исполинским перстом
На стене пред царём
Начертала слова!...
И никто из мужей,
И царёвых гостей,
И искусных волхвов
Силы огненных слов
Изъяснить не возмог.
И земной полубог
Омрачился тоской...
И еврей молодой
К Валтасару предстал
И слова прочитал:
«Мани, фекел, фарес! -
Вот слова на стене:

Волю Бога небес
Возвещают оне.
Мани значит: монарх,
Кончил царствовать ты!
Град у персов в руках -
Смысл средней черты:
Фарес - третье - гласит:
Ныне будешь убит!..»
Рек - исчез... Изумлён,
Царь не верит мечте,
Но чертог окружён,
И... он мёртв на щите!..

Между 1826 и 1828

Ожесточённый

О, для чего судьба меня сгубила?
Зачем из цепи бытия
Меня навек природа исключила
И страшно вживе умер я?
Ещё в груди моей бунтует пламень
Неугасаемых страстей,
А совесть, как врага заклятый камень,
Гнетёт отверженца людей!
Ещё мой взор, блуждающий, но быстрый,
Порою к небу устремлён,
А Божества святой отрадной искры,
Надежды с верой, я лишён!
И дышит всё в создании любовью,
И живы червь, и прах, и лист,
А я, злодей, как Авелевой кровью
Запечатлён! Я атеист!
И вижу я, как горестный свидетель,
Сиянье утренней звезды,
И с каждым днём твердит мне добродетель:
«Страшись, страшись готовой мзды!..»
И грозен он, висящей казни голос,
И стынет кровь во мне как лёд,
И на челе стоит невольно волос,
И выступает градом пот!
Бежал бы я в далёкие пустыни,
Презрел бы ужас гробовой!
Душа кипит, но руки не рабыни
Разбить сосуд свой роковой!
И жизнь моя мучительнее ада,
И мысль о смерти тяжела...
А вечность... ах! она мне не награда -

Я сын погибели и зла!
Зачем же я возник, о Провиденье,
Из тьмы веков перед тобой?
О, обрати опять в уничтоженье
Атом, караемый судьбой!
Земля, раскрой несытую утробу,
Горящей Этной протечи
И, бурный вихрь, тоску мою и злобу
И память с пеплом развлеки!

1828(?)

Раскаянье

Я согрешил против рассудка,
Его на миг я разлюбил:
Тебе, степная незабудка,
Его я с честью подарил!
Я променял святую совесть
На мщенье буйного глупца,
И отвратительная повесть
Гласит безумие певца.
Я согрешил против условий
Души и славы молодой,
Которых демон празднословий
Теперь освищет с клеветой!
Кинжал коварный сожаленья
Притворной дружбы и любви
Теперь потонет без сомненья
В моей бунтующей крови.
Толпа знакомцев вероломных,
Их шумный смех, и строгий взор
Мужей значительно безмолвных,
И ропот дев неблагоклонных -
Всё мне и казнь, и приговор!
Как чад неистовый похмелья,
Ты отлетела наконец,
Минута злобного веселья!
Проснись, задумчивый певец!
Где гармоническая лира,
Где барда юного венки?
Ужель повергнул их порок
К ногам ничтожного кумира?
Ужель бездушный идеал
Неотразимого разврата
Тебя, как жертву каземата,
Рукой поносной оковал?
О нет!.. Свершилось!.. Жар мятежный

Остыл на пасмурном челе:
Как сын земли, я дань земле
Принёс чредою неизбежной;
Узнал бесславие, позор
Под маской дикого невежды, -
Но пред лицом Кавказских гор
Я рву нечистые одежды!
Подобный гордостью горам,
Заметным в безднах и лазури,
Я воспарю, как фимиам
С цветов пустынных, к небесам
И передам моим струнам
И рёв и вой минувшей бури.

1832 или 1833

Божий суд

Есть духи зла - неистовые чада
Благословенного Отца;
Удел их - грусть, отчаянье - отрада,
А жизнь - мученье без конца!

В великий час рождения вселенной,
Когда извлёк Всевышний перст
Из тьмы веков эфир одушевленный
Для хора солнцев, лун и звезд;

Когда Творец торжественное Слово
В премудрой благости изрек:
«Да будет прах величия основой!» -
И встал из праха человек...

Тогда Ему, светлы, необозримы,
Хвалу воспели небеса,
И юный мир, как сын Его любимый,
Был весь - волшебная краса...

И ярче звёзд и солнца золотого,
Как иорданские струи,
Вокруг Его, Властителя святого,
Вились архангелов рои!

И пышный сонм небесных легионов
Был ясен, свят перед Творцом
И на скрижаль Божественных законов
Взирал с трепещущим челом.

Но чистый огонь невинности покорной
В сынах бессмертия потух -
И грозно пал с гордынею упорной
Высокий ум, высокий дух.

Свершился суд!.. Могущая десница
Подъяла молнию и гром -
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содом!

И плач, и стон, и вопль ожесточенья
Убили прелесть бытия,
И отказал в надежде примиренья
Ему Правдивый Судия.

С тех пор враги прекрасного созданья
Таятся горестно во мгле,
И мучит их, и жжёт без состраданья
Печать проклятья на челе.

Напрасно ждут преступные свободы:
Они противны небесам,
Не долетит в объятия природы
Их недостойный фимиам!

8 июля 1834, с. Ильи некое

Атеисту

Не оглушайте вы меня
Ни вашим карканьем, ни свистом
Против начала бытия!
Смотря внимательно на вас,
Я не могу быть атеистом:
Вы без души, ума и глаз!

1834

Грешница

Из VIII главы Иоанна

И говорят Ему: «Она
Была в грехе уличена
На самом месте преступленья.
А по закону мы её
Должны казнить без сожаленья;
Скажи нам мнение Своё!»

И на лукавое воззвание,
Храня глубокое молчанье,
Он нечто - грустен и уныл -
Перстом божественным чертил!

И наконец сказал народу:
«Даю вам полную свободу
Исполнить древний ваш закон,
Но где тот праведник, где он,
Который первый на блудницу
Поднимет тяжкую десницу?»

И вновь писал Он на земле!..
Тогда с печатью поношенья
На обесславленном челе
Сокрылись чада ухищренья -
И пред лицом Его одна
Стояла грешная жена!

И Он с улыбкой благотворной
Сказал: «Покинь твою боязнь!
Где обвинитель твой упорный,
Кто осудил тебя на казнь?»

Она в ответ: «Никто, Учитель!»
«Итак, и Я твоей души
Не осужу, - сказал Спаситель,
Иди в свой дом и не гречи».

1837

Провидение

Я погибал...
Мой злобный гений
Торжествовал!..
Отступник мнений
Своих отцов,
Враг угнетений,
Как царь духов,
В душе безбожной
Надежды ложной
Я не питал
И из Эреба
Мольбы на небо
Не воссылал.
Мольба и вера
Для Люцифера
Не созданы, -

Гордыне смелой
Они смешны.
Злодей созрелый,
В виду смертей
В когтях чертей -
Всегда злодей.
Порабощенье,
Как зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.
Окаменен,
Как хладный камень,
Ожесточен,
Как серный пламень,
Я погибал
Без сожалений,
Без утешений...
Мой злобный гений
Торжествовал!
Печать проклятий -
Удел моих
Подземных братьев,
Тиранов злых
Себя самих,-
Уже клеймилась
В моем челе;
Душа ко мгле
Уже стремилась...
Я был готов
Без тайной власти
Сорвать покров
С моих несчастий.
Последний день
Сверкал мне в очи;
Последней ночи
Встречал я тень,-
И в думе лютой
Все решено;
Еще минута -
И... свершено!..
Но вдруг нежданный
Надежды луч,
Как свет багряный,
Блеснул из туч:
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Издавна Бог
Из тьмы открытой
Меня извлек!
Рукою сильной
Остов могильный
Вдруг оживил,-

И Каин новый
В душе суровой
Творца почтил.
Непостижимый,
Неотразимый,
Он снова влил
В грудь атеиста
И лжесофиста
Огонь любви!
Он снова дни
Тоски печальной
Озолотил
И озарил
Зарей прощальной!
Гори ж, сияй,
Заря святая!
И догорай,
Не померкая!

1828

Духи зла

Есть духи зла - неистовые чада
Благословенного отца;
Удел их - грусть, отчаянье - отрада,
А жизнь - мученье без конца.
В великий час рождения вселенной,
Когда извлек Всевышний перст
Из тьмы веков эфир одушевленный
Для хора солнцев, лун и звезд;
Когда Творец торжественное слово
В премудрой благости изрек:
«Да будет прах величия основой!»
И стал из праха человек...
Тогда Ему, светлы, необозримы,
Хвалу воспели небеса,
И юный мир, как сын Его любимый,
Был весь - волшебная краса...
И ярче звезд и солнца золотого,
Как иорданские струи,
Вокруг Его, властителя святого,
Вились архангелов рои.
И пышный сонм небесных легионов
Был ясен, свят перед Творцом,
И на скрижаль божественных законов
Взирал с трепещущим челом.
Но чистый огонь невинности покорной
В сынах бессмертия потух -
И грозно пал, с гордынею упорной,
Высокий ум, высокий дух.
Свершился суд!.. Могучая десница

Подъяла молнию и гром -
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содом!
И плач, и стон, и вопль ожесточенья
Убили прелесть бытия,
И отказал в надежде примиренья
Ему правдивый Судия.
С тех пор враги прекрасного созданья
Таятся горестно во мгле,
И мучит их, и жжет без состраданья
Печать проклятья на челе.
Напрасно ждут преступные свободы:
Они противны небесам,
Не долетит в объятия природы
Их недостойный фимиам!

*8 июля 1834
Село Ильинское*

Негодование

Где ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Где ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Как видение прекрасное,
В блеске радужных лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось от очей!
Ты не светишь мне по-прежнему,
Не горишь в моей груди -
Предан року неизбежному
Я на жизненном пути.
Тучи мрачные, громовые
Над главой моей шумят;
Предвещения суровые
Дух унылый тяготят.
Ах, как много драгоценного
Я в сей жизни погубил!
Как я идола презренного -
Жалкий мир - боготворил!
С силой дивной и кичливою
Добровольного бойца
И с любовью ревнивою
Исступленного жреца
Я служил ему торжественно,
Без раскаянья страдал
И рассудка луч божественный
На безумство променял!

Как преступник, лишь окованный
Правосудною рукой, -
Грозен ум, разочарованный
Светом истины нагой!
Что же!.. Страсти ненасытные
Я таил среди огня,
И друзья - злодеи скрытные -
Злобно предали меня!
Под эгидою ласкательства,
Под личиною любви
Роковой кинжал предательства
Потонул в моей крови!
Грустно видеть бездну черную
После неба и цветов,
Но грустнее жизнь позорную
Убивать среди рабов,
И, погранному обидою,
Видеть вечно за собой
С неотступной Немезидою
Безответственный разбой!
Где ж вы, громы-истребители,
Что ж вы кроетесь во мгле,
Между тем как притеснители
Торжествуют на земле!
Люди, люди развращенные -
То рабы, то палачи, -
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи!
Не тревожьте сталь холодную -
Лютой ярости кумир!
Вашу внутренность голодную
Не насытит целый мир!
Ваши зубы кровожадные
Блещут лезвием косы -
Так грызитесь, плотоядные,
До последнего, как псы!..

1835

Тоска

Бывают минуты душевной тоски,
Минуты ужасных мучений,
Тогда мы злодеи, тогда мы враги
Себе и миллионам творений.
Тогда в бесконечной цепи бытия
Не видим мы цели высокой -
Повсюду встречаем несчастное «я»
Как жертву над бездной глубокой;
Тогда, безотрадно блуждая во тьме,
Храним мы одно впечатленье,

Одно ненавистное - холод к земле
И горькое к жизни презренье.
Блестящее солнце в огнистых лучах
И неба роскошного своды
Теряют в то время сиянье в очах
Несчастливого сына природы;
Тоска роковая, убийца-тоска
Над ним тяготеет, как мрамор могилы,
И губит холодная смерти рука
Души изнуренные силы.
Но зачем же вы убиты,
Силы мощные души?
Или были вы сокрыты
Для бездействия в тиши?
Или не было вам воли
В этой пламенной груди,
Как в широком чистом поле,
Пышным цветом расцвести?

Отрывок из поэмы «Смерть Сократа»

(Сократ утешает плачущих учеников своих)

«Вы плачете, друзья, и плачете в то время,
Когда моя душа, как чистый фимиам,
Навек освободясь от тягостного бремени,
Стремится к небесам.

Когда она в пылу священного восторга,
Как светлый, горный дух, стряхая прах земной,
Из царства горести парит на лоно Бога
И истины святой.

Что время и что жизнь без смерти в сей юдоли?
Почто приятно мне за истину страдать?
Почто моя душа оковы сей неволи
Пылает разорвать?

Что значит, о друзья, без смерти добродетель?
Что память мудрого в потомстве оживит?
Смерть!.. Смертию одной Верховный Благодетель
Ее вознаградит.

Она не бич людей, но жребий вождельный,
Победоносный лавр, торжественный венец,
Которым нас дарит рукой благословенной
Всеведущий Творец.

И если б, вопреки могучему велению,
Я жизнью дорожил и мог ее продлить,
О други, и тогда, покорный Провидению,
Я не желал бы жить.

Не плачьте обо мне: не скорбью удрученных
Приятно мне узреть сподвижников моих,
Но с радостным челом, и амброй¹ окуренных,
И в тканях дорогих.

Как юноша-жених, увенчанный цветами,
К невесте молодой идет при звуках лир,
Так я хочу идти, о други, между вами
На смертный вечный пир.

Что значит умереть? Прервать соединенье
Небесного луча с презренною землей
И снова исполнять свое предназначенье
За дверью гробовой.

Напрасно человек стремится за блаженством:
Подобный узнику, стрегомому в тюрьме,
Одеянный своим земным несовершенством,
Блуждает он во тьме.

Но тот, кого волна низвергла в пристань мира,
Кто жизни новый свет с спокойствием узрел,
Тот сам, как луч зари, во области эфира,
На небо полетел.

Он чужд уже своей презренной оболочки;
Союз с землей его не в силах тяготить,
И жизнь и смерть пред ним — невидимые точки:
Он снова начал жить!

«Но смерть есть чаша зол — край бедствий и страданий!»
Друзья, не может быть... Сей тяжкий перелом
Есть странствия конец и горьких испытаний,
И зло везде с добром.

Не зрим ли мы, что день течет за мраком ночи,
Приятная весна — за хладною зимой;
С воззрением на свет блестят младенца очи
Невинною слезой.

Верховного Творца могучая десница
Сравняла море зла и море вечных благ:
Предшественница тьмы, бессмертия денница —
И к Богу первый шаг.

Не знаю, с торжеством иль с грустью безнадежной
Ввергается душа в объятия ея;
Но с чистою душой сей жребий неизбежный
Не страшен для меня.

¹ Амбра — благовонное вещество, которое образуется в пищеварительном тракте кашалотов.

Я думаю, что Бог за жизнь земную,
Как правый и благой, блаженство обречет
И, сердце поразив губительной стрелой,
Бальзам в него прольет...»

Мы слушали... Один улыбкою сомненья
Сократовы слова Цебес сопровождал —
И, полный вдохновенья,
Учитель продолжал:

«Так, други! Первый луч блистательной зарницы,
Летучий аромат мастики и цветов,
Слиянный голос дев с гармонией цевницы
И звуки милых слов —

Ничто не превзойдет чистейшего восторга
Страдалицы души, летящей к небесам...
Что жизнь, что смерть, что мир?
Ничто пред славой Бога.
Удел наш, счастье там.

Довольно ль умереть, чтоб снова возродиться?
Нет! К Вышнему предстань с невинною душой,
От тлена и страстей умей освободиться
Пред жизнь другую.

Жизнь в смерть преобрати: земная жизнь — сраженье,
Смерть — лавр, земля — огонь, в котором человек
Свергает навсегда земное облаченье,
Окончив краткий век.

Тогда, друзья, тогда, от уз освобожденный,
Приемлет он уже награду от небес;
Простер крыле, парит, он там в сени блаженной —
И мир пред ним исчез!

Так, смертный счастливый, покорный вышней власти,
Который суету рассудку подчинил,
Который обуздал презрительные страсти,
Закон и правду чтит,

Который ниспроверг бессмертия преграду,
Был злобы враг, дышал и жил одним добром, —
Страдалец праведный украсится в награду
Божественным венцом.

Но тот, кто ложный блеск обманчивых мечтаний
Священной истине безумно предпочел,
Кто, чувственности раб, в юдоли испытаний
Стезей неверной шел,

Кто в вихре суеты, забав и наслаждений,
В порочном торжестве, как Леда¹, утопал,
Кто неба глас среди греховных упоений
И совесть заглушал, —

О други! никогда тот смертный злочестивый
Земных своих оков не сможет сокрушить:
Разрушится над ним гнев Бога справедливый —
По смерти будет жить!

Как жалостная тень преступной Арахнеи²,
В кругу своих детей страдать осуждена,
И неразлучны с ней сыны ее — злодеи,
И мучится она, —

Так точно и душа преступника земного
Подвергнется навек сей горестной судьбе —
Не к Богу воспарит, но с телом будет снова
В мучительной борьбе...»

Умолк... Сомнительный Цебес прервал молчанье.
«Сократ, — вещает он, — приятно для меня
На вечность и на суд небесный упование,
Бессмертью верю я;

Согласен я, что жизнь — ничтожное мгновенье:
Тому примером всё, тому примером ты,
Но дай на мой вопрос правдивое решенье —
Я в бездне темноты.

Ты рек: душа живет за дверью гробовою,
Но если в факеле светильник догорел,
То где огонь? Куда с последнею струею
Сей пламень отлетел?

Светильник и огонь — всё вместе исчезает;
Душа, бессмертие — не разны, а одно;
Бессмертье, как огонь, от тела отлетает —
И после ж где оно?

Иль так сравним: душа для чувственного тела
Нужна, как арфе звук. От времени и лет
Разрушилась она, разбилась и истлела...
Где ж звук, коль арфы нет?»

¹ Леда (греч. миф.) — жена спартанского царя Тиндарея, пленившая своей красотой Зевса; когда она купалась, он явился к ней в образе лебедя.

² Арахнея (Арахна) (греч. миф.) — искусная рукодельница, вызвавшая на состязание в ткацком ремесле Афину; за эту дерзость была превращена богиней в паука.

С унынием в очах, с поникшими главами
Внимали мудрецы Цебесовым словам
И мнили: «Прав Цебес — и всё под небесами
Готовится червям.

Всё будет жертвою земли и разрушений;
Где звук, коль арфы нет? Где ждать венца наград?..»
...И мнилось, ожидал небесных вдохновений
И гения Сократ.

Как старец на пиру, весельем оживленный,
Как солнце, просияв в туманных высотах,
Изрек ему ответ страдалец незабвенный
В божественных словах:

«Друзья мои, огонь — ничтожное сравненье
С лучом Всевышнего — с бессмертною душой,
С душой и брэнностью такое ж съединенье,
Как с небом и землей.

Душа есть чистый свет, всевидящее око,
Пред коим в жизни сей не скрыто ничего;
Всё зрит душа — и здесь, и вечности глубокой
Она душа всего.

Рожденье, красоту и смерть земного света —
Всё чувствует она, но только вне себя;
Пред нею будущность туманом не одета,
Пред ней всегда заря.

Исчезнет всё — она, как время, непременно;
Где смерть — ей жизнь, где мрак — ей свет. Всегда жива.
Исчезнут свет и тьма, разрушится вселенна —
Не рушится она.

Ты мнишь, душа для чувств есть арфы звук согласный,
А арфа будет прах от времени и лет.
Цебес, не льстись мечтой и ложной и опасной:
Душе предела нет.

Судьба земных вещей ничтожна, быстротечна,
Но тайною душой, но нами движет Бог.
Перст Божий — звук души; как Бог, душа безвечна...
Бессмертен я!.. Восторг!..»

И между тем уже румяное светило
На западе текло во блеске красоты
И, кроясь в волнах, печально золотило
Гимета высоты¹.

¹ Гимет — горная вершина в Аттике (исторической области Греции).

Спешили к берегам, белея парусами,
Укромные ладьи веселых рыбарей,
И, с радостными их сливаясь голосами,
Пел в роще соловей.

И ближе пастухов свирели раздавались,
И счастливых людей отрада и покой —
В темнице мудреца с тоской согласовались,
Как отблеск света с тьмой.

1826